

Разговор между учителем и учеником не был простым, особенно по вопросу о Cumulus One, было немало разногласий. Роулз взглянул на Чу Шаочэня, который настаивал на своем собственном мнении, и нервно начал ходить по комнате.

— Ты знаешь кто ты? Это нарушение воинской дисциплины.

Чу Шаочэнь поднял глаза:

— Что комитет собирается делать? Исключить меня или отправить в карцер?

В его голосе звучала полнейшая пренебрежительность, как будто он не воспринимал комитет всерьез.

Федеральный комитет?

Группа стариков, которые только и умеют, что говорить о том, чего не понимают, и учить его, как командовать войсками?

Неужели они думают, что это детская игра?

Роулз подошел к столу и постучал по нему дважды, глядя на дверь.

— Карцер? Ты слишком самоуверен. Ты думаешь, что, раз сейчас в флоте никого нет, кто мог бы тебя заменить, тебе позволено всё? Ты тот, кто лучше всех знаком с СМЗ, а первая армия — это сильнейший флот. Если тебя отправят в карцер, твои подчиненные поднимут бунт!

Роулз повысил голос и он закричал так, что, казалось, все в округе могли услышать его.

Чу Шаочэнь потер уши, от крика в ушах даже загудело, и дважды постучал по стулу в ответ Роулзу.

В комнате для допросов были камеры и устройства прослушивания, и каждое их движение находилось под пристальным вниманием комитета.

Чу Шаочэнь, скрестив руки на груди, выглядел совершенно безразличным.

— Я не считаю, что поступил неправильно. Студенты военной академии — лучшие кадры, они станут основой флота в будущем. Четыре почти выпустившихся студента пропали без вести, и это уже привлекло внимание СМИ. Мы обязаны дать ответ, или руководство считает, что можем игнорировать общественное мнение?

Услышав это, Роулз замолчал на мгновение, прежде чем ответить:

— Ты понимаешь, что комитет тоже не менее заинтересован в соблюдении общественного мнения? Они были избраны, они тоже были обычными людьми, пережили много бурь, и съели соли больше, чем ты риса.

Роулзу было за шестьдесят, он немного полноват, и собирался скоро выйти на пенсию из флота.

Очистив горло, он серьезно произнес:

— Ты полагаешь, что сейчас, когда флот нуждается в тебе, тебе позволено делать такие вещи, которые, хоть и не являются настоящим нарушением военных правил, все равно вызывают вопросы?

Чу Шаочэнь сказал:

— Тогда почему вы заперли меня здесь на всю ночь? Мой Омега был так напуган, а что, если с ним что-нибудь случилось бы в мое отсутствие?

— Этот твой Омега действительно любит тебя, и из-за тебя он пошел к своим родителям. Все знают, что семья Чи его не ценит.

Роулз надувал щеки, нервно передвигаясь по комнате.

— Ладно, за ночь ты уже достаточно поразмыслил. Я пойду к комитету и попрошу за тебя. Ты быстро забирай своего Омегу домой, не маячь тут передо мной.

В офисе комитета трое высших руководителей переглянулись и начали смеяться.

Закрыв блокнот, один из них произнес:

— Эти двое, похоже, разыгрывают нам спектакль. Достаточно, на этом спектакль можно заканчивать.

— Поразмылил? Этот парень вообще умеет размышлять? Когда я вчера зашел к нему, он меня чуть не отругал.

— Роулз действительно не изменил свою привычку защищать «своего теленка» за столько лет. Он пытается нас подставить. Если мы уволим Чу Шаочэня, это будет против народа. Он действительно хорошо умеет маневрировать.

Старший из них, с белыми волосами и бородой, встал с места с ручкой в руках.

— Нам нужно сохранить внешний вид, но в частном порядке, пусть он исследует всё, что считает нужным. Возможно, мы сможем вывести на чистую воду логово Лейка.

— Мы понимаем, не будем ставить ему преград.

— И еще, с проблемой с Хелией нужно быстрее разобраться. Когда мы выясним, кто стоит за этим, передадим доказательства Чу Шаочэню, пусть он сам решает.

Два других человека удивились.

Чу Шаочэнь — это редкая находка для Федерации, обладающая способностями и харизмой. Он способный и смелый. Самое главное, что он нейтрален и беспристрастен.

Если правильно использовать этот острый меч, можно будет окончательно избавиться от гнилья, накапливавшегося в правительстве Федерации на протяжении многих лет.

Топ-Альфа с военными заслугами может стать угрозой для тех, кто собирается действовать.

Лучший наживка, как можно не воспользоваться?

Когда Чу Шаочэнь вышел из допросной, он стряхнул пыль с одежды и уверенно направился к своему кабинету, проходя мимо офиса комитета. Он бросил взгляд на камеры.

Старые лисы, умеющие плести интриги.

Вернувшись к кабинету, он увидел людей, дежуривших у двери, и кивнул. Они слегка наклонили голову и разошлись.

Открыв дверь, он сразу заметил Чи Нина, крепко спящего на диване.

Красивый Омега свернулся под пледом, видна была лишь половина его лица, а волосы аккуратно лежали.

В кабинете витал лишь запах голубого ледяного кипариса, оставленный им в кабинете, и он не чувствовал запаха исходного феромона Чи Нина.

Тихо подойдя к нему, Чу Шаочэнь наклонился и коснулся его ладони. Подойдя ближе, он заметил, что лицо Чи Нина стало ненормально красным.

Сдвинув брови, он прикоснулся к его лбу.

Он горел, дыхание было тяжелым.

Чи Нин заболел.

Чу Шаочэнь завернул его в плед и, осторожно подняв, тихо произнес:

— Чи Нин?

Чи Нин, удивленно проснувшись, инстинктивно потер глаза и потянулся к знакомому аромату.

— Генерал? Куда мы идем?

— Домой, у тебя жар.

Когда Чу Шаочэнь вышел из кабинета, многие в коридоре смотрели на него с удивлением, широко открыв глаза.

Местный отпрыск семьи Чи пришел к Чу Шаочэню, и это стало новостью.

Все не только сплетничали, но и задавались вопросом, что за человек может сделать Чу Шаочэня таким покладистым.

Теперь же, глядя на то, как Чу Шаочэнь так крепко обнял Чи Нина, все понимали, что тот занимает важное место в его жизни.

Горло Чи Нина было сухим и голос его охрип, каждый произнесенный звук был подобен лезвию бритвы, царапающему горло:

— Я заболел? Очень жарко.

— Ты хорошо спал прошлой ночью?

— Да, не мог уснуть.

Чу Шаочэнь замер, прижимая Чи Нина к себе, и наклонившись, коснулся его лба своим.

Как он мог забыть, что Чи Нин испытывает сильный дефицит безопасности, даже дома ему нужно было находиться в одной комнате с ним, спать в одной постели.

Альфа исчез без объяснений и не возвращался всю ночь. Как же мог Омега не переживать?

Чу Шаочэнь едва сдерживал чувство вины и жалости, глубоко вздохнув и не обращая внимания на любопытные взгляды, быстро вышел из здания.

Роулз и Ка Сю ждали на платформе, и когда они увидели Чу Шаочэня, выходящего с Чи Нином на руках, они выглядели озадаченными.

Роулз нахмурился:

— Неужели кто-то посмел причинить вред твоему Омеге? Эти бесстыдные люди!

Ка Сю, услышав это, тоже напрягся.

Хотя молодой хозяин семьи Чи обычно выглядит слабым, он все же очень добр к генералу.

В тот день он лично видел, как Чи Нин послушно вел себя перед Чу Шаочэнем, и не мог не вспомнить, как тот хвастался своими успехами.

Омега заботился о нем, давал лекарства и даже плакал от волнения.

Эта привязанность была трогательной.

— Генерал, я немедленно свяжусь с доктором Баем.

Ка Сю быстро включил оптический мозг:

— Машина уже ждет снаружи.

Роулз следовал за ними:

— Как, черт возьми, семья Чи воспитывает детей? Я видел других детей на юбилее старика, все они здоровы, почему...

— У него высокая температура, — объяснил Чу Шаочэнь, глядя на Роулза. — Учитель, прошу тебя, займись Хелией.

— Не волнуйся, я еще не вышел на пенсию. Хелия — герой, — Роулз понял смысл слов Чу Шаочэня. — Но будь готов к последствиям.

— Я сделаю всё возможное. — Чу Шаочэнь заметил, что пошел мелкий дождь, и накрыл Чи Нина пледом, чтобы защитить его лицо. — Лейк — это инициатор той войны, я не дам ему продолжать безнаказанно.

— Не переживай, пока я в флоте, я не позволю тебе стать жертвой этой группировки. Комитет не наши друзья, они просто союзники.

— Каждый преследует свои интересы.

Чи Нин, полусознательно слушая разговор, почувствовал, что Чу Шаочэнь остановился, и некомфортно прижался головой к его плечу.

У него болела голова и горло горело.

Даже кости в его теле болели, словно их глодали муравьи.

Чу Шаочэнь кивнул:

— Учитель, мы поедem.

Чи Нин повторил за ним:

— Маршал Роулз, до свидания.

Услышав это, Роулз улыбнулся, протянул руку и, касаясь плеча, погладил Чи Нина по голове.

— Малыш, надеюсь, ты будешь в безопасности и здоров.

Чи Нин был примерно такого же возраста, как его внук, но их жизненный опыт был совершенно разным.

— Спасибо, маршал, — вежливо ответил Чи Нин.

Даже в машине, Чу Шаочэнь по-прежнему не отпускал Чи Нина, позволив ему сидеть у себя на коленях, прислонившись к плечу.

Впереди Ка Сю отрегулировал скорость подвешенного автомобиля, быстро проверяя самый быстрый маршрут до дома.

Тело Чи Нина обмякло, и он поджал губы:

— Генерал, вас не накажут, да? Маршал заступился за вас?

После того как он поспал в кабинете Чу Шаочэня, когда он проснулся, Чу Шаочэнь уже был свободен, и Чи Нин был немного сбит с толку.

— Да.

Чу Шаочэнь обнял его и тихо спросил:

— Мы почти дома, если тебе плохо, скажи мне.

— Просто болит горло, но я все равно хочу поговорить. — Чи Нин тихо произнес: — Это не называется самонаказанием, как будто ты сам себя мучаешь?

Чу Шаочэнь: ...

Сделав глубокий вдох, он ущипнул Чи Нина за щеку:

— Нет.

— О, кажется, у меня во лбу кусок железа, раскалённого.

Чи Нин чувствовал беспокойство Чу Шаочэня; за всю свою жизнь никто не заботился о нём.

Когда он болел в детстве, Е Ру бросала его с няней или в больницу.

Став взрослым, он научился принимать лекарства и ходить в больницу, поэтому не беспокоил их.

Неизвестно почему, Чу Шаочэнь, испытывающий страх и беспокойство, вызывал в его сердце тяжесть и особое беспокойство.

Прикусив губу, он осторожно вытянул руку из-под пледа и взял Чу Шаочэня за руку.

— Генерал, если я вдруг умру, не переживай сильно, ведь наш брак не продлится долго, тебе только немного будет грустно, а потом ты найдёшь другую Омегу, которая будет крепче, вот так...

Температура в машине резко упала, даже Ка Сю, сидевший впереди, заметил, что что-то не так.

Глаза Чу Шаочэня потемнели, он наклонился и, взглянув на Чи Нина, стиснув зубы, произнёс:

— Чи Нин!

Чи Нин: ...

Он натянул плед и закрыл голову.

Он не слышал и не видел.

Чу Шаочэнь сидел на краю кровати, скрестив руки, его острый взгляд был устремлён на Чи Нина и Бай Чена.

— Что вызвало лихорадку?

— Воспаление, воспаление миндалин.

Бай Чен посмотрел на виноватое лицо Чи Нина и беспомощно вздохнул:

— Похоже, что вы пьете слишком много холодных напитков, плюс недосып. Будет лучше после приема лекарств и отдыха.

Холодные напитки? Неправильный режим?

Чу Шаочэнь прищурился, глядя на Чи Нина, который почти спрятался под одеялом.

Волновался всю ночь, плакал всю ночь, и это все?

Вспомнив, как Чи Нин себя вёл, когда пришёл в кабинет, он вдруг рассмеялся от злости.

— Что ж, пожалуйста, напиши сюда, дозировку лекарства и сколько раз в день его принимать,

напиши и отдай Воссу, я прослежу, чтобы лекарства были приняты.

Чу Шаочэнь посмотрел на Бай Чена:

— Если даже лекарство горькое, это не страшно.

Чи Нин, услышав это, широко раскрыл глаза, но не смел возмущаться, обиженно потянул одеяло.

Что за дела, только что был милым и заботливым, а теперь всё изменилось.

Альфы такие переменчивые существа.

Он поджал губы и обратился к Бай Чену:

— Доктор Бай, я чувствую, что мне нужно снова провериться, почему бы вам...

— Что-то еще вызывает дискомфорт? — Чу Шаочэнь вдруг занервничал и наклонился: — Не скрывай свои болезни от доктора.

Чи Нин был поражен, глядя на беспокойство в глазах Чу Шаочэня, он забыл, что хотел сказать.

Увидев, что Чи Нин удивленно смотрит на него, Чу Шаочэнь тихо спросил:

— Что случилось?

У Чи Нина уши вспыхнули, щёки тоже покраснели, он быстро покачал головой:

— Ничего, у меня нет никаких недомоганий, спасибо, доктор Бай, я буду следовать указаниям.

Увидев как Чу Шаочэнь обеспокоен, он внезапно почувствовал себя немного виноватым.

Чу Шаочэнь, вероятно, не станет на него злиться, учитывая их отношения, не так ли?

Бай Чен собрал свои вещи и ушёл, стараясь избежать неприятностей.

— Генерал, я в порядке, просто отдохну несколько дней, не волнуйтесь.

Чи Нин свернулся в одеяле и тихо сказал:

— Я просто немного устал и хочу поспать.

Черные глаза опустились, и на его лице было написано чувство вины.

Чу Шаочэнь наклонился и ущипнул Чи Нина за щеку:

— Поешь немного, выпей лекарства, а потом спи.

— Хорошо, — Чи Нин тихо вздохнул с облегчением.

К счастью, у них с Чу Шаочэнем очень близкие отношения.

— Это в последний раз, даже если ты любишь учиться, нельзя сидеть до поздна, читая книги.

Чу Шаочэнь выпрямился и приказал Воссу, стоявшему у двери, принести еду, а затем пойти за лекарством к Бай Чену.

Восс принес еду, легкую кашу.

— Генерал, с Мастером Чи все в порядке?

— Это жар, вызванный воспалением, отдохнуть несколько дней, и всё будет хорошо. — Чу Шаочэнь взял кашу, держа ложку. — Когда пойдешь за лекарствами, спроси Бай Чена о мерах предосторожности, а затем расскажи мне.

Восс кивнул, зная, что Чу Шаочэнь будет лично заботиться о Чи Нине, и ушёл.

— Чему ты хочешь научиться? Я могу нанять домашнего учителя, чтобы он пришёл к нам.

Чу Шаочэнь поднёс кашу к губам Чи Нина:

— Что ты изучал раньше?

Чи Нин жевал мясные кусочки в каше, не успевая возразить, только широко раскрыл глаза и уставился на Чу Шаочэня.

Что?

Частный преподаватель?

Придет домой и будет учить его?

Нет, нет, определенно нет.

Он не так уж любит учёбу.

— Генерал, лично я считаю, что молодые люди должны больше наслаждаться отдыхом. Раньше я этого не понимал. — Чи Нин серьезно сказал: — На самом деле, я не очень люблю учиться, я просто иногда читаю.

Чу Шаочэнь поднял брови:

— Тогда что ты изучаешь ночью?

— Социальные науки.

Чу Шаочэнь: ...

Чи Нин тихо кашлянул:

— У меня просто слишком мало профессиональных знаний, поэтому... я читал всего понемногу, например, социальные науки, историю Имперской звезды, космический парадокс, конструкции мехов и так далее. Мех?

Чу Шаочэнь с интересом посмотрел на Чи Нина.

— Тогда не надо приглашать учителя домой.

Чу Шаочэнь снова накормил Чи Нина, наблюдая, как у него набиваются щеки, и улыбнулся.

Чи Нин вздохнул с облегчением. Это должно было считаться успехом, правда?

Приглашать учителя домой летом — это слишком.

— Я могу научить тебя.

Чи Нин с недоумением посмотрел на него.

Что...? Что это значит? Чу Шаочэнь больше предпочитает отношения учителя и ученика....

Из мужей в учителя — это звучит как-то странно.

Чи Нин смутился и осторожно спросил:

— Генерал, разве это не неправильно? Я буду называть вас учителем в будущем, и другие это неправильно поймут.

Чу Шаочэнь: ?

Что тут можно неправильно понять? Разве он, отличник военной академии, не достоин быть учителем?

Каждый год военная академия приглашала его читать лекции, но он просто не любил этого.

— Учитель? Профессор?

Чи Нин попробовал обратиться к нему таким образом:

— Генерал, вам нравится такое обращение?

Чу Шаочэнь: ...

Вдруг ему пришло в голову, что не обязательно так уважать учителей.

— Ты интересуешься мехами?

— Мне любопытно, как такое большое устройство может быть таким гибким. Я только видел это в фильмах, никогда не видел вживую.

— Генерал, вы действительно собираетесь учить меня? Я думаю, что я довольно умный, возможно, в будущем смогу управлять мехом.

— Если у тебя достаточно таланта, никогда не поздно начать учиться, — сказал Чу Шаочэнь, глядя, как Чи Нин доедает кашу. — Но сейчас твоя задача — выздороветь.

Хорошо, больному действительно лучше сосредоточиться на восстановлении.

Чи Нин почувствовал сонливость после еды.

С полужакрытыми глазами он спросил:

— Генерал, сегодня я ходил в семью Чи, вы не будете на меня сердиться за самовольство?

— Ты такой умный, удивительно, что ты смог придумать такой метод, это впечатляет. — Чу Шаочэнь без колебаний похвалил его: — Семья Чи не доверяет мне и насторожена, даже каналы голубых кристаллов не смогли их успокоить. После сегодняшней услуги они почувствуют большое облегчение.

Чтобы выяснить, кто стоит за делами семьи Чи, необходимо сначала завоевать их доверие.

По крайней мере, чтобы они думали, что они в одной лодке.

Так будет проще раскрыть некоторые секреты.

Услышав похвалу, Чи Нин улыбнулся:

— Это хорошо, я беспокоился, что вы будете недовольны. Я не испортил дело, и это радует.

До встречи с Чу Шаочэнем он не был уверен, что поступает правильно.

Если бы он случайно навредил Чу Шаочэню, его вина была бы велика.

Его обычно бледное лицо из-за еды и жара стало румяным, даже губы покраснели.

Чу Шаочэнь смотрел на него с необыкновенной нежностью.

— Кстати, даже Чи Минфан не знает, что исследует Чи Минье. Кажется, это знают только Чи Фэн и Чи Минье.

Чи Нин не понимал, почему, если Чи Фэн возглавляет дела, он не говорит Чи Минфану.

Вообще, он относился к своим сыновьям примерно одинаково.

По крайней мере, они более заметны, чем он сам.

— Возможно, Чи Минье играет ключевую роль, а по делу Чи Минфана и Ло Юаня уже есть предварительные результаты расследования.

— Что? Чи Минфана могут арестовать?

— Да.

Глаза Чи Нина загорелись, а затем он кое о чем подумал, поджал губы:

— Не слишком ли рано? Интересно, можем ли мы проследить за Чи Минфаном и узнать еще несколько соучастников?

— Не волнуйся, никто из них не сможет сбежать.

Чу Шаочэнь чувствовал сочувствие к переживаниям Ло Юаня, но если бы это не касалось Чи Нина, он бы не вмешивался.

Возможно, он передал бы это кому-то другому, но когда дело касается Чи Нина, это уже

другое.

— Отлично, злодеи должны быть наказаны, как пишут в книгах. Только злодеи подвергаются наказанию, хорошие люди получают справедливость.

Иначе зачем нужна справедливость?

Чи Нин собирался задать еще один вопрос, но Восс уже вернулся с лекарством.

Под пристальным взглядом Чу Шаочэня Чи Нин покорно положил таблетку в рот. В тот момент, когда горечь вспыхнула во рту, он заподозрил, что Бай Чен мстит ему за то, что он слишком громко проверял его.

Нахмурившись и проглотив таблетку, Чи Нин даже сморщил лицо.

Он выпил целый стакан воды, но во рту все еще оставалась горечь.

— Очень горько?

— Да, особенно... а?

Чи Нин укусил конфету, которую Чу Шаочэнь положил ему в рот, и, моргая, неясно произнес:

— Спасибо, генерал.

— А теперь ты собираешься спать или хочешь обсудить со мной курс мехов? — Чу Шаочэнь сел на край кровати. — Кстати, для тебя было рискованно идти в дом Чи сгоряча, они все еще заинтересованы в твоих железах.

— Но я не понимаю, что такого особенного в моих железах, я не с Имперской звезды?

— Чи Нин.

Услышав серьезный тон Чу Шаочэня, Чи Нин опустил глаза:

— Я знаю только, что Чи Минъе под предлогом заботы о моих железах проводит исследования в этой области.

Вот почему Чи Минъе рассказал ему эту новость не только потому, что он использовал его имя, но и чтобы установить связь с Чу Шаочэнем.

Чи Минфан знает, что открылась новая лаборатория, но не знает, что именно там исследуется.

— Чи Нин, направление их исследований — регенерация феромонов, но на самом деле это не так.

Чу Шаочэнь посмотрел на Чи Нина:

— На первый взгляд, это эксперимент с искусственными феромонами на благо общества, но на самом деле они ведут настоящий геноцид Омег.

Чу Шаочэнь достал что-то из прикроватного ящика и передал Чи Нину:

— Я нашел это случайно, когда изучал банду Черного Волка в Седьмом районе.

На этом листе бумаги был список.

Имя, возраст и...время и место исчезновения.

— Неясно, связано ли это дело с семьи Чи, но все эти пропавшие люди без исключения — Омеги.

Чи Нин крепко сжал бумагу, оставив на ней следы от пальцев, и погрузился в молчание.

— Ты, возможно...Являешься экспериментальным объектом.

Чу Шаочэнь не произнес это вслух, но знал, что Чи Нин обязательно поймет.

Он никогда не думал, что Чи Нин — это невежда из богатой семьи, наоборот, выросший в такой среде, Чи Нин понимал, как защитить себя лучше всех.

— За три года пропало более тридцати Омег.

— Да.

Чи Нин глубоко вздохнул, взглянув на Чу Шаочэня с покрасневшими глазами:

— Что мне делать? Я хочу взорвать дом Чи прямо сейчас.

Чу Шаочэнь слегка удивился и забрал лист:

— Но тебе нужно хорошо выспаться и выздороветь, прежде чем действовать.

Чи Нин кивнул, удовлетворенный ответом Чу Шаочэня, прислонился к подушке и посмотрел на него:

— Генерал, ты можешь остаться здесь со мной? Я не могу уснуть.

Также немного боюсь.

Увидев тревожный взгляд Чи Нина, Чу Шаочэнь кивнул:

— Спи, я буду здесь.

<http://bllate.org/book/13925/1226918>